ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI: 10.15372/HSS20180106 УДК 314.12 (314.148)

Л.Н. СЛАВИНА

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ В ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, РФ, 660049, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89

В статье сделана попытка внести вклад в формирование теоретико-методологической базы историко-демографических исследований, а именно изучения истории населения России XX – начала XXI в. Чтобы преодолеть сегодняшний ее недостаток – состояние фрагментированности (что затрудняет видение развития населения как целостного процесса с его внутренней детерминацией, но при этом активно вза-имодействующего со всеми сферами общества и являющегося его основой), автор предлагает применять многослойный теоретико-методологический подход. Он опирается на полидисциплинарную методологическую конструкцию, состоящую из представлений макро-, мезо- и микроуровней. Каждый из них обеспечивает решение собственных задач. Основу методологии составляет теория модернизации. Подходы, принципы, методы и процедуры исследования заимствованы из разных наук. Приведены аргументы в пользу превращения исторической демографии в мультипарадигмальную науку.

Ключевые слова: население, историческая демография, теоретико-методологическая основа, теория модернизации, демографическая модернизация.

L.N. SLAVINA

ON THE ISSUE OF FORMING THE THEORETICAL-METHODOLOGICAL BASE IN HISTORICAL DEMOGRAPHY RESEARCH

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev 89, Ada Lebedeva str., Krasnoyarsk, 660049, Russia

The article subject is the problems of forming the theoretical-methodological base in historical demography research. Its present state hinders the vision of population demographic development as an integral autonomous process having own internal determinants, and at the same time affecting actively all social processes. The paper objective is to overcome this constraint and to propose a variant of this base for studying the population history of Russia in the XX–XXI centuries. The author shows that the multifaceted nature of the research object – the population in a historical context – requires a multi-layered theoretical-methodological approach and a multi-disciplinary methodological design consisting of macro-, meso- and micro-level representations. Each of them provides a solution to their own problems. The basis of the macro-level methodology is the theory of modernization. It interprets the essence of all processes taking place in the society and explains the features of this or that period in the history of the country where the population in question lives. The meso-level methodology is formed on the basis of theories and concepts that treat development

Славина Людмила Николаевна — д-р ист. наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, e-mail: 200146@mail.ru.

Lyudmila N. Slavina - Doctor of Historical Sciences, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev.

Л.Н. Славина 39

processes of the actual population, all forms of its movement – natural, spatial, social. The task of this level is to determine the population place in the society, to explain the patterns of changes occurring in it, their directions and driving forces, the nature of interaction of population processes with other spheres of society and between each other. The micro-level methodology consists of concepts and categories of sciences that treat certain aspects of the particular population development (inhabitants of villages, cities, regions, etc.). A special level of methodology consists of approaches, principles, methods and procedures, borrowed from different sciences.

Key words: population, historical demography research, theoretical-methodological base, modernization theory, demographic modernization.

Рост актуальности изучения населения России в постсоветские десятилетия вызвал «взрыв» публикаций, в том числе историко-демографических. Труды историков в большинстве своем имеют общий недостаток - недооценку значимости теоретико-методологической основы в исследованиях и, соответственно, слабую ее проработку. Этот недостаток проявляется, прежде всего, в фрагментированности историко-демографических исследований, особенно посвященных советскому и постсоветскому периодам. Как правило, их результаты не представляются в виде целостной картины, где народонаселенческие процессы рассматривались бы как автономные, с присущими им внутренними (имманентными) импульсами развития, но в то же время во взаимосвязи и взаимозависимости с другими процессами в обществе, с определением качества и значения этих связей. Фрагментированность исследований настолько распространена, что даже обобщающие работы пишутся в форме очерков. Пример тому – фундаментальный труд по истории населения России XX в., созданный в Институте российской истории РАН [1].

Цель автора статьи - внести лепту в преодоление отмеченного недостатка и предложить свое видение теоретико-методологической базы для историко-демографических исследований населения России XX – начала XXI в., ни в коем случае не претендующее на универсальность. Эта попытка предпринята для преодоления нынешней мозаичности в изучении процесса развития населения и рассмотрения этого процесса как органической части общего развития страны. Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что указанный период - особый в истории населения России. Он отмечен модернизацией демографической сферы, поэтому его анализ нуждается в соответствующем методологическом обеспечении. Предлагаемый вариант теоретико-методологической базы изложен в докторской диссертации автора [2, с. 47–59], рассмотрим его основные положения.

Исходной методологической установкой выступает признание населения основой и субъектом общественной жизни, а его воспроизводство и развитие доминантой исторического процесса. Это позволяет поместить население в центр исследования и считать изменения всех его характеристик базовыми историческими событиями.

Население необходимо изучать непременно в историческом контексте. Если предметом «чистой» демографии является собственно воспроизводство населения, то историки обязаны связывать этот процесс, в его ретроспективном измерении, с событиями, происходящими во всех сферах общества. Безусловно

прав В.А. Исупов, считающий, что именно отражение их взаимосвязи и взаимозависимости – суть предмета исторической демографии [3, с. 82].

Многоаспектность объекта изучения – населения в историческом «интерьере» – требует «многослойного» теоретико-методологического подхода и использования полидисциплинарной методологической конструкции, включающей представления макро-, мезо- и микроуровня. Каждый уровень обеспечивает решение «своих» задач, а присущая современной науке идейно-теоретическая конвергенция позволяет заимствовать для этого сочетающиеся и дополняющие друг друга компоненты из разных концепций и подходов.

Представления макроуровня обеспечивает теория модернизации. Она является фундаментом работы, так как трактует все происходящие в обществе процессы, выявляет особенности того периода истории, в котором живет изучаемое население, дает представление как о факторах, воздействующих на его развитие, так и об обратном влиянии демографических изменений на все сферы общества. Эта теория уже более четверти века успешно применяется в качестве методологической основы в трудах о населении России конца XIX – начала XX в. (Б.Н. Миронов, В.А. Зверев и др.). К сожалению, накопленный ценный опыт слабо используется в исследованиях населения советского и постсоветского периодов.

Известно, что за рубежом, особенно в англоязычной литературе, история России XX-XXI вв. чаще всего трактуется сегодня с позиций теории модерности - сколь популярной, столь и дискуссионной. Она не получила распространения в российской гуманитаристике. У нас эту роль играет теория модернизации, которую тоже признают не все. А некоторые исследователи пытаются дополнить ее другими теоретическими конструкциями, например, теорией множественности современностей (multiple modernities) [4]. Но теория модернизации доказала свою эффективность в качестве инструмента познания российской истории XX-XXI вв. На ее основе создана (В.В. Алексеевым, И.В. Побережниковым и др.) и успешно апробирована в конкретно-исторических исследованиях регионально-ориентированная модель анализа исторических изменений, учитывающая специфику развития отдельных территорий (см., напр.: [5]).

Ключевыми понятиями этой теории являются модернизация и урбанизация. Под модернизацией понимается всеобъемлющий процесс трансформации традиционного общества в современное. Модернизация, будучи универсальным явлением, выступает в разных национально-страновых вариантах. Специфику российского варианта отражают ряд концепций, например, консервативной модернизации А.Г. Вишневского. Согласно его взглядам, модернизация в России отличается асинхронностью ритмов субпроцессов, поскольку они задавались не только исходившими из общества внутренними импульсами, но и внешними воздействиями, прежде всего политикой государства. В результате быстрые техникотехнологические перемены обеспечивались за счет консервации многих основополагающих звеньев традиционного социального устройства (см., напр.: [6]).

Советский вариант модернизации иногда называют контрмодернизацией, под которой понимается развитие ее «не по западному образцу» [7, с. 70–74]. Учет политических аспектов парадигмы контрмодернизации углубляет представление о специфических чертах советской модернизационной модели, важнейшей из которых было проникновение государства во все (включая демографическую) сферы жизни общества и каждой личности, но в разное время в разной степени.

Важнейшим рычагом и продуктом модернизации является урбанизация. Она трактуется как многосторонний процесс «повышения роли города в жизни всего общества», включая деревню [8, с. 534–538]. Сущность ее советского варианта раскрывает антропокультурная парадигма, согласно которой урбанизация в СССР была лишь «побочным продуктом» индустриализации, человек с его потребностями и возможностями не составлял основу урбанизационного процесса, а являясь «винтиком» в государственной машине, был лишь «пристегнут» к нему. Результатом стало нарастание противоречий между радикальными количественными (концентрация населения в городах) и слабыми качественными (приобщение людей к городской культуре) переменами, что свидетельствует о «неполноценности российской модели урбанизации» [9, с. 101–113].

Изменения в демографической сфере должны рассматриваться как органическая часть общей модернизации страны/региона, как ее субпроцессы. Их смысл заключался в утверждении современных (урбанистических) ценностей, норм и жизненных стандартов в качестве универсальных и у городских, и у сельских жителей. Население меняло все виды поведения (демографическое, миграционное и т.д.), в результате трансформировался режим его воспроизводства, все структуры и категории (мужская и женская популяции, общественные группы и т.д.), формировались новые субъекты демографического и, шире, исторического процесса.

Перемены в самом населении интерпретирует методология *среднего (мезо-)* уровня, сформированная на основе *теории народонаселении*. Собственно, в чистом виде такой теории нет. Под нею в демографии понимается система научных знаний (теорий и концепций), трактующих процессы развития населения и методологических подходов к их изучению [8, с. 525]. В совокупности они определяют место населения в обществе, объясняют происходящие в нем закономерные изменения, их направление и движущие силы, характер взаимодействия между отдельными на-

родонаселенческими процессами, а также между ними и остальными сферами общества.

Подбор теорий и концепций для этого уровня диктуется подходом к предмету исследования: узким, который предполагает анализ только естественного движения населения (его физического воспроизводства), или широким, изучающим еще два вида движения пространственное и социальное. Для историков предпочтительнее широкий подход, так как предметная область их исследований намного шире, чем у «чистых» демографов. История населения не может сводиться только к процессу «возобновления человеческой популяции», полное представление о ней дает анализ только всех народонаселенческих процессов в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Соответственно лишь трехчастная модель реконструкции процесса развития населения (по числу форм его движения) адекватно отражает объект изучения в исторической демографии.

Анализ каждого из трех видов движения населения проводится на основе теорий и концепций, разработанных (или адаптированных) в рамках теории народонаселения. При этом учитывается, что среди них практически нет общепризнанных, что все они в разной степени являются дискуссионными. Это требует внимательного отношения к их выбору и подкрепления конкретно-историческим материалом.

Естественное движение интерпретирует теория демографического перехода – транзиции (ТДП) в трактовке А.Г. Вишневского, относящаяся к числу наиболее авторитетных социальных теорий и не без основания претендующая на роль общей теории в демографии [10, с. 6–33; 11, с. 6–23]. Она позволяет выйти за рамки описательно-статистического подхода и объяснить естественное движение населения в контексте исторической обусловленности. Демографический переход трактуется как одна из сторон «качественной перестройки всего общественного организма, включает в себя не только изменения интенсивности демографических процессов, но и общих условий, детерминирующих демографическое поведение людей и механизмов, с помощью которых осуществляется эта детерминация, и того места, которое занимает воспроизводство населения в жизни общества» [12, с. 7].

ТДП интерпретирует не только количественные показатели динамики рождаемости, смертности и т.д., но и внутреннюю структуру качественных демографических перемен. Так, она акцентирует внимание не столько на снижении смертности, сколько на изменении структуры ее причин в разных возрастах, что в совокупности и обеспечивает конечный результат. В рождаемости главным считается не снижение ее уровня, а то, что его определяют уже не традиции, а свобода выбора индивидом числа и времени рождения детей.

При использовании ТДП обязателен учет представлений о демографическом переходе как части модернизации общества: в частности, о его деструктивно-конструктивной форме; о наличии эффективного механизма регулирования рождаемости и смертности; о скачкообразном изменении в процессе перехода в со-

Л.Н. Славина 41

отношении экзо- и эндогенных факторов смертности, а затем рождаемости; о повышении ценности детей в семье благодаря «детоцентризму» родителей; о революционном обновлении культурных и поведенческих норм; о периодизации демографического перехода (в том числе возможности существования в нем депрессивной фазы); о необходимости определения *типа* перехода, осуществляемого изучаемым населением, и т.д.

Демографический переход в России, как известно, имеет специфику. В.Б. Жиромская определила его как *прерывный* (интераптивный) [1, с. 269]. Разделяя эту оценку, В.И. Исупов уточнил его региональный (сибирский) характер, назвав *«мерцающим»* [13, с. 7]. Оба определения базируются на прочной базе конкретно-исторических исследований и не вызывают возражений. Но это не исключает необходимости дальнейшего изучения этого перехода.

Интерпретация отдельных процессов естественного движения населения базируется на конкретизирующих ТДП теоретико-методологических представлениях. Например, при анализе рождаемости используются такие теории и концепции, как демографический гомеостаз, репродуктивное поведение, определяющая роль занятости женщин в общественном производстве, историческое уменьшение потребности в детях и т.д.

Изучение смертности опирается на концепцию исторических типов смертности [8, с. 448–454]. Суть этой концепции в том, что параметры смертности населения, которые определяются влиянием эндогенных и экзогенных факторов, на разных исторических этапах различны вследствие разного соотношения силы воздействия этих факторов. При переходе к индустриальному, а потом к постиндустриальному обществу растет защищенность людей от неблагоприятных экзогенных факторов и увеличивается уязвимость от эндогенных и квазиэндогенных (факторов накопленного действия), а также внешнего воздействия (травматизма, насилия и т. п.).

Теорию демографического перехода (и исторических типов смертности) конкретизирует органично связанная с ней концепция эпидемиологического перехода А. Омрана, объясняющая изменение уровня смертности и рост ожидаемой продолжительности жизни поколений радикальным изменением причин смерти в разных группах населения вследствие модернизации [14, с. 731–757]. По детерминантам, характеру и темпам развития выделяются две модели эпидемиологического перехода: классическая — ускоренная (западная) и современная — замедленная (свойственная развивающимся странам с высокой младенческой и детской смертностью). Российская модель в разное время меняла характер, и это необходимо учитывать.

Для оценки развития семейно-брачных отношений (и тенденций рождаемости) используется концепция двух типов брачности [8, с. 30–36], в частности, понятие европейского типа брачности Дж. Хаджнала [15, с. 14–70]. При изучении этих проблем не следует игнорировать также концепцию второго демографи-

ческого перехода ван де Каа, которая объясняет суть трансформации брачно-семейных отношений и института семьи, фокусируя внимание на изменениях в сексуальном, брачно-семейном и репродуктивном поведении населения развитых стран в последние 50–60 лет [10, с. 18–21; 16, с. 731–757]. Возможность применения ее к российским реалиям, проблемы соотношения второго перехода с первым, который именуется просто демографическим переходом, и другие сюжеты сейчас активно обсуждаются и требуют подкрепления конкретным материалом [4, с. 34–56].

Пространственное движение населения изучается с помощью теории миграционного процесса [8, с. 230], которая выделяет в миграции три стадии – подготовку к ней, собственно переселение и адаптацию мигрантов на новом месте. Теория конкретизируется концепцией мобильного (миграционного) перехода В. Зелински, созданной на основе ТДП (см., напр.: [17]). Считается, что при трактовке миграций в России на основе этой концепции возникают трудности, вызванные многообразием их побудительных причин и усложненные местной спецификой. Но несмотря на недостаточную адаптированность этой концепции к российским реалиям, она все же удобна для изучения внутренних миграций. При использовании ее для интерпретации реальных переселений нужно проследить соответствие фаз демографического и миграционного переходов и установить, в каких фазах переходов находится изучаемое население. Представляется продуктивным обращение к анализу миграции во взаимодействии с концепциями урбанизации («урбанизационного перехода», «псевдоурбанизации» и т.д.). Сравнительно новая концепция третьего демографического перехода Д. Коулмена пытается связать миграции и процессы рождаемости в местах массовой иммиграции [10, с. 21–25]. В ее адаптации к российским реалиям успехов пока не отмечено. Необходимы конкретные исследования, чтобы доказать правомерность или ошибочность оценки третьего демографического перехода как события не универсального, а затрагивающего только развитые страны с низкой рождаемостью.

Самое сложное и качественно разнообразное соииальное движение, не имеющее единого определения в науке и трактуемое в широком и в узком значениях слова, в системе знаний о населении принято рассматривать как совокупность изменений всех структур (составов) изучаемых общностей, вызванных их социальной мобильностью (социальной подвижностью, социальными перемещениями). Понятие социальной мобильности, предложенное П. Сорокиным, обозначает любой переход индивида (социального объекта) из одной социальной позиции в другую. Используются его классификация социальной мобильности по основным типам и теория социальной мобильности [18, с. 373–375; 8, с. 462–466], исходным положением которой является признание наличия в обществе разных социальных групп и постоянных переходов между ними, которые и формируют мобильность населения. Различаются вертикальная социальная мобильность и *горизонтальная*. И та, и другая отражаются в динамике соответствующих структур населения. Все структуры трактуются как *социальные*, поскольку за каждой скрываются сложные связи и отношения (экономические, демографические и др.) на разных уровнях (от индивида до общества в целом).

Поскольку все структуры населения — это количественно выраженные проекции общественных отношений, остро стоит проблема границ между понятиями *структура населения* и *структура общества*. Общепринятого разграничения между ними нет, но в историко-демографических работах обычно анализируется структура не *общества*, имеющая намного более сложный характер, а *населения*. Понятие структуры (состава) населения тоже трактуется двояко: в узком смысле — как распределение людей по полу и возрасту (демографическая структура), в широком — по всем возможным признакам (пространственно-расселенческая, брачная, семейная, этническая и т.д.).

Интерпретация характера динамики структур населения базируется на совокупности теорий и концепций, укладывающихся в рамки теории модернизации. Тенденции изменений в возрастно-половой структуре трактуют концепции демографического старения населения в условиях демографического перехода и типов возрастных структур (прогрессивный, стационарный и регрессивный); в пространственно-расселенческой – концепция урбанизации, которая определяет территориальную концентрацию населения, исходя из сущностного признака урбанизационного процесса; в этнической – концепции этнических процессов, прежде всего ассимиляции и трансформации.

Экономическая структура анализируется в рамках концепции *индустриальной модернизации* общества через *отраслевую структуру занятостии*. Тенденции ее динамики трактуются как результат действия внешних по отношению к населению перемен в структуре народного хозяйства и внутренних — сдвигов в установках и ориентациях людей. Отраслевая структура оценивается как *социально*-экономическая. Изменения в ней считаются одним из главных индикаторов модернизации (переход от аграрной занятости к индустриальной), а перемены в характере труда (особенно у женщин) напрямую связываются с демографическим переходом и оцениваются как один из его главных факторов.

Образовательная структура населения, базирующаяся на двух признаках — уровнях общей и профессиональной подготовки, оценивается с позиций предложенной ООН концепции развития человеческого потенциала и его индикатора — индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) [8, с. 150]. В последние годы чаще стало использоваться комплексное понятие человеческого капитала, в котором показатели образованности выступают в числе базовых для индивида и общества.

При анализе социальной структуры населения России надо иметь в виду, что два фактора — политика государства и индустриализация — более других стимулировали социальную мобильность и оказыва-

ли влияние на динамику структур россиян, на видоизменение социальных слоев и групп. Необходим и обратный учет влияния структур на демографические и миграционные процессы, так как дифференциация интенсивности этих процессов сохранялась по социальным группам.

Синтез теорий и концепций мезоуровня позволяет интегрировать в единое целое знания о разных сторонах развития населения, построить его цельную модель и согласовать ее с базовой теорией модернизации.

Методологию микроуровня составляют концепции и категории наук, позволяющие изучать разные группы населения (горожан, сельчан, жителей регионов и т.д.) и отдельные процессы их развития. Анализ таких объектов должен начинаться на основе теорий и концепций мезоуровня, но он недостаточно конкретен. Требуется использовать «составляющие» их концепции и привлекать методологические конструкции из других наук. Например, для изучения сельских жителей плодотворны идеи крестьяноведения, начиная с его базового понятия раскрестьянивания, раскрывающего сущность и основные формы модернизационной трансформации сельчан в исторической ретроспективе. Такой синтез обеспечивает системный взгляд на изучаемую популяцию с учетом ее связей с остальным населением, а также решение проблемы общего и особенного во всех измерениях.

Особыми компонентами теоретико-методологической основы являются применяемые в ходе исследования и при трактовке его результатов подходы (междисциплинарный, модернизационный, структурно-функциональный, комплексный и системный, ретроспективный, факторный и т.д.), принципы (проблемный, историзма, региональных исследований, разносторонней наблюдаемости и т.д.) и методы общенаучные (абстракции, индукции и дедукции, анализа и синтеза, измерения, сравнения, обобщения, классификации, экстраполяции и т.д.) и специальные – исторические (проблемно-хронологический, типологический, генетический, ретроспективный, сравнительный), демографические (продольного и поперечного анализа, передвижки по возрастам, стандартизации демографических коэффициентов и пр.). Количественные методы – общие и статистико-демографические - выступают в качестве основных в исторической демографии России XX – начала XXI в., так как ее базовым источником является демографическая и социальная статистика. К числу приемов изучения населения относится построение историко-статистических моделей, динамических рядов, выраженных в таблицах. Демографические события измеряются, прежде всего, коэффициентами. В статистических показателях отражается поведение населения, определяющее его физическое и социальное воспроизводство – матримониальное, витальное, репродуктивное, миграционное, социализирующее и пр.

Синтез вышеописанных теорий и концепций разных уровней обобщения дает «ключ» к пониманию сущности развития населения, помогает конкретизироЛ.Н. Славина 43

вать объект, предмет, цели и задачи историко-демографического исследования, а совокупность избранных процедур позволяет полноценно выполнить такое исследование, преодолеть односторонность и интерпретировать народонаселенческие процессы в единстве как многогранный процесс, тесно взаимосвязанный со всем обществом.

В заключение укажем, что предложенный нами вариант концептуально-методологической базы исследования уже использовался в ряде конкретно-исторических работ и получил положительную оценку (см., напр.: [19; 20; 21]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2005. Т. 3, кн. 1: 1960–1979. 304 с.
- 2. Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.): дис. . . . д-ра ист. наук. Новосибирск. 2010. 453 с.
- 3. Исупов В. Эпидемиологический переход в России: взгляд историка // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 4. С. 82–92.
- 4. *Ктупт М.А*. Парадигмы и оппозиции современной демографии // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, № 1. С. 34–56.
- 5. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века. М.: Наука. 2004. 600 с.
- 6. Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. 431 с.
- 7. *Красильщиков В.А.* Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М.: ИНФОМАРТ, 1994. 116 с.
- 8. Народонаселение. Энциклопедический словарь. М.: БРЭ. 1994. 640 с.
- 9. *Пивоваров Ю.Л.* Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 101–113
- 10. Вишневский A. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида homo sapiens // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, № 1. С. 6–33.
- 11. Зверева Н. Демографический переход: спор о теориях разного уровня // Демографическое обозрение. 2015. № 1. С. 6–23.
- 12. *Вишневский А.* Избранные демографические труды. М.: Наука. 2005. Т.1: Демографическая теория и демографическая история. 368 с.
- 13. *Isupov V.* Demographic Transition in North Asia: Paradoxes of History // Eurasia Twenty Years After. Maulana Abul Kalam Azad Institute of Asian Studies, Kolkata, 2012. P. 553–565.
- 14. *Omran A.R.* The epidemiologic transition: a theory of the epidemiology of population change // The Milbank Quarterly. 2005. Vol. 83(4). P. 731–757.
- 15. *Хаджнал* Д. Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость и семья за три века / под ред. А.Г. Вишневского, И.С. Кона. М.: Статистика, 1979. С. 14—70.
- 16. *Van de Kaa D.J.* Demographic transitions // Yi. Zeng, ed. Encyclopedia of life support systems (EOLSS). Demography. Oxford: Eolss Publishers. 2010. Vol. 1. P. 65–103.
- 17. Zelinsky Wilbur. The hypothesis of the mobility transition // Geographical Review. Apr., 1971. Vol. 61, N $^\circ$ 2.
- 18. $\it Copoкин \Pi$. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 542 с.
- 19. Корнилов Г.Г., Корнилов Г.Е., Михалев Н.А., Оруджева А.Г. Население Урала в XX веке: историко-демографический анализ. Екатеринбург: АМБ, 2013. 360 с.
- Жеребцов И.Л. Рецензия на коллективную монографию: Население Ямала в XX веке: историко-демографический анализ /

Корнилов Г.Г., Корнилов Г.Е. и др. Екатеринбург: АМБ. 2013. 360 с. // Уральский исторический вестник. № 3 (48). 2015. С. 129-131.

21. Журавлева В.А. Городское население Урала в 1920—1930-е гг.: историко-демографический анализ: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2016. 36 с.

REFERENCES

- 1. Population of Russia in the XX century: historical essays: in 3 vols. Moscow: ROSSPEN, 2005, vol. 3, bk. 1. 1960–1979, 304 p. (In Russ.)
- 2. Slavina L.N. The rural population of East Siberia (1960–1980s): doctor. dissertation. Novosibirsk. 2010, 453 p. (In Russ.)
- 3. *Isupov V.* The epidemiological transition in Russia: a historian's view. *Demographicheskoe obozrenie*, 2016, vol. 3, no. 4, pp. 82–92. (In Russ.)
- 4. *Klupt M.A.* Paradigms and oppositions of modern demography. *Demographicheskoe obozrenie*, 2014, vol. 1, no. 1, pp. 34–56. (In Russ.)
- 5. Alekseyev V.V., Alekseyeva E.V., Zubkov K.I., Poberezhnikov I.V. Asiatic Russia in geopolitical and civilizational dynamics of the XVI–XX centuries. Moscow: Nauka, 2004, 600 p. (In Russ.)
- 6. Vishnevskii A.G. A sickle and a rouble: conservative modernization in USSR. Moscow: GU-VShE, 2010, 431 p. (In Russ.)
- 7. Krasilshchikov V.A. Modernization: foreign experience and Russia. Moscow: INFOMART, 1994, 116 p. (In Russ.)
- 8. Populaion: encyclopedic dictionary. Moscow: BRE, 1994, 640 p. (In Russ.)
- 9. *Pivovarov Yu.L.* Russian urbanization in the XX century: ideas and reality. *Obshchestvennie nauki i sovremennost'*, 2001, no. 6, pp. 101–113. (In Russ.)
- 10. Vishnevskiy A. The demographic revolution is changing the reproductive strategy of homo sapiens. *Demographicheskoe obozrenie*, 2014, vol. 1, no. 1, pp. 6–33. (In Russ.)
- 11. Zvereva N. The demographic transition: a debate on theories of different levels. *Demographicheskoe obozrenie*, 2015, vol. 2, no. 1, pp. 6–23. (In Russ.)
- 12. Vishnevskiy A. Selected demographic works. Vol. 1. The demographic theory and demographic history. Moscow: Nauka, 2005, 368 p. (In Russ.)
- 13. *Isupov V.* Demographic transition in North Asia: paradoxes of history. *Eurasia twenty years after*. Kolkata, 2012, pp. 553–565.
- 14. *Omran A.R.* The epidemiologic transition: a theory of the epidemiology of population change. *The Milbank Quarterly.* 2005, vol. 83, no. 4, pp. 731–757.
- 15. Hajnal J. European marriage patterns in perspective. Brachnost', rozhdaemost'i sem'ya za tri veka. Moscow, 1979, pp. 14–70. (In Russ.)
- 16. Van de Kaa D.J. Demographic transitions. Encyclopedia of life support systems (EOLSS). Demography. Oxford, 2010, vol. 1, pp. 65–103.
- 17. Zelinsky W. The Hypothesis of the Mobility Transition. Geographical Review, 1971, vol. 61, no. 2.
- 18. Sorokin P. Man. Civilization. Society. Moscow: Politizdat, 1992, 542 p. (In Russ.)
- 19. Kornilov G.G., Kornilov G.E., Mihalev N.A., Orudgeva A.G. Yamal population in the XX century: a historical-demographic analysis. Ekaterinburg: AMB, 2013, 360 p. (In Russ.)
- 20. Zherebtsov I.L. Review of Kornilov G.G., Kornilov G.E., Mihalev N.A., Orudgeva A.G. Yamal population in the XX century: a historical-demographic analysis. Ekaterinburg: AMB. 2013, 360 p. Ural'skii istoricheskiy vestnik, 2015, no.3, pp. 129–131. (In Russ.)
- 21. Zhuravleva V.A. The Ural urban population in 1920–1930s: a historical-demographic analysis: doctor. dissertation theses. Ekaterinburg. 2016, 36 p. (In Russ.)